

ДИСКУССИИ

УДК 378.12:001.89

Беляева Мария Алексеевна

доктор культурологии, профессор кафедры технологий социальной работы Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (РФ).

E-mail: 2012marysia@mail.ru

ПОЧЕМУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА – ЭТО «ХРОМАЯ ЛОШАДЬ» СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ?

Аннотация. *Цель.* Автор статьи размышляет о кризисе высшего профессионального образования и науки в области социально-гуманитарного знания; выявляет глобальные и локальные проявления этого кризиса и причины низкой активности и продуктивности научной деятельности в отечественных вузах.

Методы исследования. В работе использованы теоретические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, методы сравнения и классификации, экстраполяции и моделирования, а также эмпирический метод включенного наблюдения.

Результаты. Показано, что локальные проявления кризиса науки и логического мышления в российской высшей школе связаны с «человеческим фактором». Попытки «перековать» преподавателей вузов в «научно-педагогические кадры» не обеспечиваются надлежащими условиями для научной деятельности и должными механизмами оплаты труда. Рассмотрены причины низкой эффективности научно-исследовательской работы (НИР): формализация данной деятельности, отсутствие у большинства преподавателей познавательного интереса, антинаучный цинизм, профессиональный пессимизм, игнорирование тенденций виртуализации и коммерциализации науки и образования и др. Обозначены специфические особенности организации и реализации НИР в российских вузах, в частности ее дополнительный и ненормированный характер по отношению к основному учебному поручению и/или менеджерским обязанностям работников образовательного учреждения. Преподавателю помимо лекционной и прочей традиционной учебной нагрузки вменяются новые обязанности – научное промоутерство совместно с маркетингом образовательных услуг организации-работодателя и рекрутингом абитуриентов в течение круглогодичных профориентационных кампаний.

Научная новизна. Доказывается необходимость смены модели субъекта познания с неклассической, где господствует корпоративный субъект, опирающийся на общие способы и коллективные нормы научной деятельности, на постнеклассическую – индивидуализированную, в которой субъект обладает собственным способом мышления, собственным языком, что и позволяет ему создавать новое знание. Однако появление такого исследователя осложнено многими препятствиями.

Вводится понятие «научная логистика» – продвижение результатов исследований в виртуальном и реальном жизненном пространстве с целью получения дивидендов в материальной или символической формах. По мнению автора, в науке происходит «логистический поворот»: меняется смысл познания, которое теперь состоит не столько в поиске истины, сколько в поиске конъюнктурного спроса на информацию и ее возможных потребителей. Успешная научная логистика, измеряемая наукометрическими количественными показателями и их доходностью в виде исчисляемого прямого коммерческого эффекта, выполняет имиджевую функцию НИР, обеспечивая повышение индивидуальных и корпоративных статусных позиций. Вместе с тем эти перемены могут обернуться (и оборачиваются) завуалированной подменой истинного научного творчества, превращением его в формальное производство «псевдонаучного спама».

Практическая значимость работы заключается в прогнозировании развития и возможных путей совершенствования НИР в российских вузах, в том числе за счет новой формы рабочего соглашения с преподавательскими кадрами – «эффективного контракта», обоснования его предполагаемых сильных сторон и объективных ограничений.

Ключевые слова: наука, научно-исследовательская работа (НИР), субъект научно-познавательной деятельности, профессиональные роли преподавателя вуза, научная логистика, «логистический поворот».

Belyaeva Maria A.

Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of Social Work, Institute of Social Education, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg.

E-mail: 2012marysia@mail.ru

WHY SCIENTIFIC RESEARCH OF A LECTURER IS THE «LAME HORSE» OF MODERN SCIENCE?

Abstract. *The aim* of the article is to represent reflections on the crisis of science and logical thinking (within the framework of Social Science, Humanities and higher education) that has its local and global manifestations; the author focused own attention on the manifestations in order to understand its depth and possible ways of overcoming them.

Methods. A number of theoretical methods have been used in the article: analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and classification, methods of extrapolation and modeling, as well as participant observation.

Results. Local manifestations of the crisis of science and logical thinking associated with human factor in the national system of higher professional education in the era of virtualization and commercialization are expressed in reducing efforts and productivity of scientific research, due to the existing contradictions between changed requirements that enumerate professional duties of a lecturer and possibilities of combining and productive implementation of traditional and new professional roles. In particular, researches turn to promoters of themselves to solve financial and organizational issues of a scientific research and promotion of ratings. Changes in the sense of scientific activity in respect to educators and their personal attitude to new requirements will eventually face the eternal problem of attitude to knowledge and to the actual problem of change of knowledge

subject in non-classical model and post-non-classical model of science. Expression of a researcher's individuality encounters many obstacles (the author has identified 10 of them) and is complicated by new facets of this subjectivity, induced by «logistics turn point» in science.

Scientific novelty. The author proves that it is necessary to change non-classical subject knowledge model (where the corporate subject leaning for the general ways and collective norms of scientific activity dominates) for postnon-classical – individualized, wherein the subject possesses own way of thinking, own language; as it allows to create new knowledge. However, occurrence of such researcher is complicated by many obstacles.

The author introduces the concept of «scientific logistics», i.e. scientific advancement of research results in virtual and real-life spaces in order to gain a dividend in material or symbolic form. When scientific logistics from a subsidiary position is moved to the center of academic life «logistics turn point» in science occurs. The meaning of learning is changing. Now it is more about search of potential consumers of the information then search of the truth. Scientific logistics measured in scientometric quantitative indexes and in their income as a calculated direct commercial effect performs the image function for a research, providing improved individual and corporate status. At the same time, these changes can turn into the veiled substitution of true scientific creativity, its transformation into formal manufacture of «a pseudoscientific spam».

Practical significance. The research implementations can be useful for conceptual foresight of possible ways of improving scientific research at university, including possibility of making a new working agreement – «and effective contract», grounding its alleged advantages and objective limits on the way of increasing efforts and productivity of scientific research.

Keywords: science, scientific research, subject of cognitive activity, professional role of a lecturer, scientific logistics, «logistics turn point».

Существует два основных типа мышления – рациональное, логическое, на котором строится научное познание мира, и иррациональное, алогичное, реализующееся в искусстве и религии. Наличие и того и другого типа необходимо для полноценного развития общества. К. Юнг утверждал, что нация, утратившая свои мифы и своих богов, обречена на гибель. Однако наблюдения за процессами, происходящими в высшей школе, заставляют поставить встречный вопрос: что будет с нацией, утратившей склонность к научному, логическому мышлению? Для современной России такая угроза представляется реальной. За последние десятилетия мы утратили многие научные школы (преимущественно естественно-научные, связанные с оборонно-промышленным комплексом), перестали быть передовой научной державой и освоили «вечно догоняющую стратегию», пытаясь приблизиться к просвещенной Европе, хотя не все в ней соответствует нашему менталитету.

Конгломерат «цунамиподобных» тенденций глобализации, виртуализации и коммерциализации накрыл отечественную науку и образование «с головой». Изменился характер научного производства, статус науки, которая ранее, по сложившейся советской традиции, развивалась, преимущественно, в академических институтах, а теперь является непре-

менным атрибутом учреждений высшего профессионального образования. Более того, складывается впечатление, что сегодня научно-исследовательская работа в вузах становится важнее, чем собственно учебный процесс.

Вероятно, это происходит потому, что НИР по своим характеристикам и в функциональном отношении – более наглядный имиджевый показатель высшего образовательного учреждения, или его подразделения, или конкретной персоны, нежели процедуры и результаты обучения. Но НИР – быстро устаревающий продукт: «Каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет (это во времена автора цитаты – М. Вебера, сейчас все происходит быстрее. – М. Б.). Такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры; всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые «вопросы», оно по своему существу желает быть превзойденным. С этим должен смириться каждый, кто хочет служить науке... Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность» [3].

Относительно легко можно смириться с устареванием идей, с бесконечностью прогресса, труднее добиться смирения перед постоянным наращиванием «мощностей» научного производства: в последнее время формы отчетности по науке с каждым годом усложняются так же, как и критерии оценки качества образования в целом. Нарастающий прессинг воспринимается в преподавательской среде как нечто побочное, некий внешний волюнтаризм, навязанный «монстрами-бюрократами», которые, вменяя новые обязанности преподавателям и пытаясь «перековать» их в «научно-педагогические кадры», не обеспечивают надлежащих условий для научной деятельности и должных механизмов оплаты научного труда.

В результате вузовская наука чаще выглядит не как желаемая эффективная и стремительная «птица-тройка», запряженная символическими конями – грантами, хозрасчетной деятельностью и публикационной активностью в реферируемых изданиях с хорошим рейтингом, а как «хромая лошадь», не справляющаяся с возложенными на нее функциями.

Попробуем разобраться, действительно ли нас принудительно «загоняют» в науку, как когда-то крестьян в колхозы; и в чем причины (помимо наиболее очевидной из них – экономической) низкой активности и продуктивности деятельности на «научной ниве», особенно в такой наиболее доступной для анализа ее форме, как подготовка статей.

Любому рецензенту научных текстов, как и автору данной статьи, приходилось и приходится сталкиваться с их низким качеством. Причем если писатель, особенно начинающий, может спрятаться от внешних нелицеприятных оценок, публикуя свой опус под псевдонимом, то в научном мире это не принято. Мы подписываемся под тем, что создаем, обозначая все свои регалии. Опубликованные результаты НИР, и в частнос-

ти, статьи – это визитная карточка каждого преподавателя, форма его профессиональной идентичности, индикатор профессионального соответствия. Взятый в отдельности, как и любой другой индикатор, он информативно ограничен, но в то же время максимально открыт и доступен для оценивания.

Сегодня, чтобы составить представление о конкретной персоне, достаточно зайти на «eLIBRARY.RU», посмотреть пару вложений и соотнести увиденное с ученой степенью и званием их автора. Интернет дает любому читателю возможность сформировать мнение об исследователе, причем не только как о профессионале. Авторский письменный текст объемно характеризует житейский и профессиональный опыт, научную эрудицию, общую грамотность и ряд других слагаемых личности. По сути, любой научный текст автобиографичен (см. развернутую аргументацию этого тезиса в статье профессора В. Г. Николаева [6]). Но эта очевидность пока не улучшает положения дел. Причины низкой активности и продуктивности НИР, указывающие на кризис вузовской науки, на наш взгляд, следующие:

- 1) нежелание и неумение вузовских преподавателей заниматься исследовательской работой;
- 2) формализация научной деятельности;
- 3) отсутствие у большинства преподавателей познавательного интереса;
- 4) антинаучный цинизм;
- 5) профессиональный пессимизм;
- 6) трудности в освоении и осмыслении профессионально значимой информации;
- 7) игнорирование тенденций виртуализации и коммерциализации науки и образования;
- 8) социальное неблагополучие определенной части работников высшего образования;
- 9) низкая конкуренция в преподавательской среде;
- 10) неблагоприятные условия и слабая организация научного труда в системе высшего образования.

Кратко прокомментируем каждое положение этого списка.

Нежелание и неумение вузовских преподавателей заниматься исследовательской работой взаимосвязаны: неумение вести исследование, создавать научные тексты тормозит желание, а нежелание не позволяет научиться. Подготовка статьи, помимо научного творчества, подразумевает использование универсальной технологии, освоение которой – обязательный компонент профессионального становления современного преподавателя высшей школы. Основные механизмы этого становления известны: на начальном этапе обязательна совместная работа с научным руководителем, затем самообразование, как главный способ повышения квалификации. Возможно и проведение целенаправленных обучающих семинаров, мастер-классов и др.

Формализация научной деятельности: к сожалению, нередко приходится сталкиваться с тем, что по форме публикации вполне соответствуют научному стилю, но имеют выхолощенное содержание, лишенное новизны и авторского взгляда. Комментируя эту болевую ситуацию, Д. В. Иванов констатирует, что огромная и аморфная масса исследований (речь идет о социологии, но суждение применимо, на наш взгляд, к гуманитаристике в целом) является современной только хронологически, а институционально не представляет собой своевременной и действенной науки. Научная активность такого рода «анахронизм и ритуальная практика», обеспечивающие некоторое место внутри академического сообщества, но не востребованные вне его рамок [4, с. 137]. Появилась и особая форма научного знания – «глэм-наука», отличительное свойство которой – простая, но яркая теория, экстравагантная методика, эффектные результаты, призванные не столько убеждать, сколько очаровывать, пленять аудиторию, дабы привлечь ее внимание [4, с. 144]. Осознавая проблему формализации и «гламуризации» (или «мутации». – М. Б.) НИР, часть исследователей предпочитают не писать вообще или не публиковать свои труды в определенных изданиях, чтобы дистанцироваться от нарастающего вала «псевдонаучного спама».

Истоки формализма в *отсутствии познавательного интереса* у большинства преподавателей, в равнодушии к собственной тематике научных работ. Но выбор-то за нами! Если диссертант, соискатель ученой степени связан «по рукам и ногам» своей темой, то в дальнейшем «монотемье» из плюса превращается в минус. Одно из преимуществ социально-гуманитарного знания (в сравнении с естественно-научным) – широта диапазона потенциально доступных для осмысления проблем. Познавательный интерес – главная мотивация в науке, вот как поэтично об этом пишет М. Вебер: «Без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что “должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут, удастся ли тебе твоя догадка”, без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» [3].

Сочетающий научную деятельность с депутатским мандатом О. Н. Смолин полагает, что естественная человеческая потребность в познании уничтожается современной отечественной системой образования, в особенности ЕГЭ [10, с. 8]. Школа учит, как сдать, а не как познать. Это относится к подрастающим поколениям. Но ведь основная масса преподавателей формировалась ранее и не проходила через «горнило» ЕГЭ. Тогда что убивает их «страсть к познанию»?

Подлинный, свободный выбор сферы интересов – одно из проявлений индивидуальности, отсутствие которой не есть частная проблема отдельных личностей. Профессор И. И. Резвицкий утверждает, что в современном научном познании господствует корпоративный субъект, опи-

рающийся на общие способы и коллективные нормы данного рода деятельности. Модель, выработанная неклассической наукой в XX в., – «...это субъект без «Я», субъект без авторства. Это – не творец нового знания, а его потребитель и транслятор, его функционер» [9, с. 75]. Отсюда и массовый формализм. Но постнеклассической науке (XXI в.) требуется новая модель – субъект, обладающий собственным способом мышления, собственным языком, что и позволит ему создавать новое знание. На наш взгляд, новое может появиться только там, где исследователь руководствуется девизом И. Канта: «Sapere aude!». В буквальном переводе – «Осмелюсь быть мудрым!», что можно трактовать как «Имей мужество пользоваться собственным умом!». Конечно, прикрываться штампами значительно проще и безопасней, чем проявлять свою индивидуальность и неравнодушие.

Реальному воплощению новой (индивидуализированной) модели субъекта познания среди прочих терний мешает и антинаучный цинизм, проявляющийся как глобально, так и локально и присутствующий на всех уровнях системы образования. Этот цинизм выражается в пренебрежении

- к науке как форме общественного сознания;
- фундаментальному знанию (философии, прежде всего), которое подменяется прикладным как единственно полезным;
- принципам научной деятельности (достоверности, объективности и др.), что порождает проблему нарушения этики цитирования, фальсификации ссылок, иногда свертоткровенной, когда даже названия цитируемых источников не имеют никакого отношения к теме, освещаемой автором-циником.

Еще одна причина низкой продуктивности НИР – *профессиональный пессимизм*, обесценивающий все попытки личностного и корпоративного (на уровне вуза, подразделения) роста. Наблюдаемое снижение уровня подготовки абитуриентов и их способности к усвоению программ высшего профессионального образования вместе с экономически обоснованным требованием «сохранения контингента» создает соблазн снизить планку и отложить задачу приобщения к науке (как на студенческом, так и преподавательском уровне) до лучших времен. Но ограниченность мировосприятия – вещь заразительная, и не мы от них, а они от нас должны чем-то заражаться и заряжаться. Ориентация на «крайнего» студента и даже на «середнячка» – непродуктивна, у нас есть и продвинутые студенты. И это тоже стимул к профессиональному росту, а не к стагнации, оправдываемой пессимизмом, кризисом образования и т. д.

Трудности освоения и осмысления научной литературы. Если человек физиологически есть то, что он ест и чем дышит, то исследователь есть то, что он читает, в каком информационном пространстве живет. Семантические поля определяют ход его мыслей, употребляемый понятийный аппарат и многое другое. Но, с одной стороны, растущий объем информации дезориентирует в направлениях поиска своего предмета ис-

следования, вообще отбивая желание что-то читать, а с другой – «крылья» исследователя заведомо обрезают узкие границы, под которыми мы подразумеваем:

- **внутридисциплинарные ограничения:** авторы «разминаются» в пределах своего предметного поля, порождая частное, минималистичное знание, не встроенное в систему внешних причинно-следственных связей; узкая специализация была хороша во времена М. Вебера (он был ее сторонником), но не соответствует трендам постнеклассической науки;

- **методологические:** в угоду сложившейся конъюнктуре исследователи довольствуются одним подходом-монополистом (например, компетентностным в педагогике) или вовсе не рефлексиируют по поводу значимости методологии исследования, поскольку в свое время «прошли мимо» философии вообще и философии науки, в частности;

- **хронологические и пространственные:** сужение круга чтения за счет выбора публикаций только авторов местного научного сообщества (местечковая научная кооперация, взаимно повышающая индекс цитирования), или, наоборот, исключительно зарубежных коллег (снобизм по отношению к отечественной науке), или пренебрежение трудами классиков или новаторов и др.

Междисциплинарность, полипарадигмальность, смысловые переносы и новые ракурсы – вот те мировоззренческие условия, от которых зависит продуктивность научного творчества сегодня, но они требуют регулярного выхода в «открытый космос» современной многоликой информации.

Профессиональная дезориентация проявляется не только в информационном пространстве, но и в *игнорировании объективных тенденций виртуализации и коммерциализации науки и образования*. Преподаватели нередко занимают пассивную позицию, не соответствуя требованиям времени в освоении коммерческих стратегий на рынке образовательных услуг, технических средств и форм профессионального самовыражения в виртуальном пространстве. Известный уральский социолог А. Е. Петрова полагает, что у современного преподавателя вуза должна быть сформирована новая компетенция, «...базой которой является информационно-коммуникационная культура, а следствием реализации – адекватное представление результатов научной деятельности в публичном, формальном пространстве – НЭБ» [8, с. 87]. (НЭБ – научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU», которая является ярким примером институциональной виртуализации науки.)

Современному преподавателю-исследователю, работающему в высшей школе, уже недостаточно просто обладать информацией и генерировать ее, необходимо еще уметь распространять эту информацию в заданной виртуальной среде. До наступления интернет-эпохи широко применялась практика депонирования (хранения) рукописей в библиотеках РАН, помогающая соблюсти авторские права и избежать личных расходов на подготовку печатного издания. При этом довести информацию до ши-

рокого круга специалистов было довольно трудно: депонирование означало помещение рукописи в «дальний ящик», в бессрочную книжную ссылку. Сегодня виртуальное пространство позволяет сделать любой текст доступным хотя бы фрагментарно. Изречение Декарта: «Я мыслю, значит, я существую», многократно интерпретированное в разных смыслах, в очередном прочтении, видимо, должно выглядеть так: «Я есть в Интернет (НЭБ), значит я существую».

Формированию обозначенной Л. Е. Петровой компетенции (представление результатов научной деятельности в виртуальном пространстве) мешает, во-первых, пассивность и отставание от времени, а во-вторых, идеологическое неприятие новых тенденций развития науки и образования (глобализации, информатизации, виртуализации, коммерциализации), объективная неоднозначность которых отмечается многими авторами (Л. М. Андрюхиной [1], Д. В. Ивановым [4], Т. Л. Осоловой [7], Л. Е. Петровой [8], О. Н. Смолиным [10] и др.). Определенная часть преподавательского состава сознательно придерживается традиционных моделей профессионального поведения и в образовательных практиках, и в науке, полагая, что главное – это качественно делать повседневную работу в прямом диалоге со студенческой аудиторией, а целенаправленное простраивание своего виртуального имиджа – дело второстепенное. В итоге и первые, и вторые, обладая разным профессиональным потенциалом, одинаково не принимают «вызова Хирша», как его метко обозначил Дж. Р. Мэйнстринг [5], свидетельствующий, что и в американском академическом сообществе игра виртуальных рейтингов долго не воспринималась всерьез, пока не произошла конвертация абстрактных чисел (индексов цитирования), в ряде случаев не подкрепленных действительным авторитетом авторов, в материальные дивиденды в виде полученных грантов, контрактов, наград и т. д.

На наш взгляд, подобные стимулы заставляют исследователей превращаться в промоутеров самих себя для решения финансовых и организационных вопросов в процессе НИР и для продвижения по рейтингам и выхода на достойные позиции. Это значит, что собственно исследовательскую деятельность, предполагающую, во-первых, анализ «входящей» информации, во-вторых, генерацию «исходящей» информации, обладающей, как принято обтекаемо говорить, элементами новизны, субъект познания должен сочетать с «научной логистикой» в виртуальном и реальном жизненном пространстве с целью получения дивидендов в материальной или символической формах.

Появление новых – «промоутерских» – обязанностей у преподавателя позволяет утверждать, что в истории развития научного познания наметился «логистический поворот» (термин наш, см. [2]), суть которого можно выразить словами: «Движение ради продвижения». Новое знание (информация) необходимо не ради истины, а ради нового продаваемого продукта, ради индекса Хирша, ради индивидуального и корпоративного имиджа.

Виртуальные слагаемые имиджа личности или корпорации – наиболее доступные для внешнего аудита (в широком смысле) образы компетентности, заслуживающие или не заслуживающие финансирования. Статус и университета, и преподавателя растет сегодня пропорционально их имиджу, который нельзя надувать как мыльный пузырь, в необходимо формировать на основе реальных достоинств.

Вместе с тем прозаичной причиной пробуксовки НИР является *социальное неблагополучие части работников высшего образования*. Его предпосылки могут быть различны, выделим наиболее очевидную: функционально-ролевой репертуар современного преподавателя вуза обновился и обогатился, а сам преподаватель – нет. Хотя этот неприятный факт очевиден, подкрепим свою позицию ссылкой на авторитеты: «За два десятилетия был катастрофически обесценен высококвалифицированный труд вообще и труд интеллигенции в особенности... В первую пятерку снизу по заработной плате в стране регулярно входили врачи, ученые, педагоги и работники культуры...» [10, с. 14]. Значительная часть работников образования хронически пребывает в трудной жизненной ситуации, находясь на грани выживания; причем экономические проблемы тесно переплетаются с психологическими, социально-ролевыми, соматическими и проч. Социальное неблагополучие объективно не оставляет энергетических ресурсов для саморазвития, и НИР превращается в «розочку на торте», т. е. то, без чего можно жить. Получается замкнутый круг: низкие зарплаты, несмотря на высокую трудовую занятость, не стимулируют интереса к науке, а низкое КПД НИР не дает шансов на повышение статуса и, соответственно, повышение оплаты труда.

Тезис про *низкую конкуренцию в преподавательской среде*, представленный в списке причин кризиса вузовской науки, может показаться нелогичным, учитывая растущую конкуренцию на рынке образовательных услуг. Но конкурируют структуры, а на уровне «человеческого фактора» существует дефицит кадрового запаса и само качество кадров ухудшается (здесь опять приходится согласиться с О. Н. Смолиным [10]). По крайней мере, это справедливо для российской глубинки, где представлены, с одной стороны, более или менее амбициозные молодые кадры, с другой – старшая когорта преподавателей предпенсионного и пенсионного возраста, а между ними большой поколенческий провал как следствие «лихих 90-х». Помимо объективного и трудно корректируемого дисбаланса в возрастной стратификации преподавательских кадров, не работает главный мотивационный фактор – зарплатный. «Хиршеры» и «недохиршеры» (ироничное обозначение для ученых, имеющих «индекс Хирша» больше или меньше единицы [5]) существуют примерно в одинаковых условиях.

Сложившийся уровень оплаты труда и малодифференцированный характер ее начисления не стимулируют внутренней конкуренции и не привлекают новых членов в педагогическое сообщество, а если никто «не дышит в затылок», позволительно игнорировать многое. Возможно, «эффективный контракт», предполагающий стимулирование научной активности, превышающей нормативные показатели, что-то изменит.

Более определенно видится потенциальное корректирующее влияние «эффективного контракта» на *неблагоприятные условия и слабую организацию научного труда в системе высшего образования*. Можно выделить несколько особенностей организации научной деятельности в наших вузах.

1. НИР носит дополнительный и ненормированный характер по отношению к основному учебному поручению и/или менеджерским обязанностям работников учебного учреждения. Преподавателю помимо лекционной и прочей учебной нагрузки вменяется новая обязанность (помимо обозначенного выше научного промоутерства) – маркетинг образовательных услуг организации-работодателя, рекрутинг абитуриентов в течение круглогодичных профориентационных кампаний.

Но как вместить весь объем профессиональных обязанностей, прописанных и не прописанных, в рабочую неделю, которая должна составлять не более 36 часов [11]? Никак, поэтому НИР принимает ненормированный характер и осуществляется в любое, часто ночное (!) время.

2. НИР представляет собой надомный труд в приватной обстановке, поскольку в наших вузах, в отличие от зарубежных, нет условий для интеллектуальных занятий на рабочем месте (отдельного кабинета или хотя бы даже отдельного стола для каждого преподавателя).

3. НИР содержит большие риски относительно вероятности признания его результатов как на материальном (кто за это заплатит?), так и дискурсивном (кто это поддержит?) уровнях. Еще большие риски связаны с возникновением неблагоприятных соматических казусов (из-за перегрузок) и казусов в семейных диспозициях (из-за ролевых противоречий).

Учитывая все эти неблагоприятные условия для осуществления НИР, много ли найдется желающих заниматься ею? Безусловно, подвижники науки, для которых она становится образом жизни, есть (количественный анализ не входит в задачи автора). Такие люди узнаваемы по предельной концентрации на научных идеях, самоограничению в других сферах жизни, большей или меньшей степени изоляции и выпадению из социальных связей/сетей, из-за чего получают заочные оценки «городских сумасшедших», в том числе потому что для исследователей такого рода интересен сам путь к истине, размышление, генерация знания, а не его продвижение, а без этого, как уже отмечалось, ученого в его современном формате как бы не существует.

Что может изменить «эффективный контракт» в организации НИР? Такая форма рабочего соглашения, во-первых, переводит НИР в разряд обязательного и ведущего вида деятельности преподавателя вуза; во-вторых, вводит некие нормативные ориентиры, правда, на уровне результата, а не процесса; в-третьих, обещает некие материальные стимулы при условии перевыполнения плана (что перекликается с традицией плановой экономики советских времен). Но на большее при «эффективном контракте» вряд ли стоит рассчитывать. Он не поможет сгладить компромиссы личной жизни и компенсировать непомерность психофизических за-

трат от сочетания старых и новых профессиональных ролей, таких как «преподаватель», «маркетолог образовательных услуг», «исследователь», «промоутер».

Представленная здесь «горячая десятка» причин, сдерживающих развитие НИР в вузе, не претендует на полноту анализа таковых; их иерархия условна и может быть пересмотрена по степени доминирования или иным критериям. Классификационной задачи мы тоже перед собой не ставили, хотя пунктирно отметим, что часть причин относится к мировоззренческим (4–5; 7), другие – к социально-психологическим (1; 3; 8–9), третьи – к организационно-управленческим (2; 6; 10), вытекающим из несовершенства механизмов самоменеджмента и (или) корпоративного управления. Относительность границ между субъективными причинами, зависящими от конкретной личности, и объективными институциональными причинами обусловлена природой научно-исследовательской деятельности, ее реализацией в условиях глобализации, доминирования массовой культуры, информатизации, коммерциализации, виртуализации, а также российской спецификой в конкретных структурах (напомним, что предмет нашего внимания – вузовская социогуманитарная наука).

Попытки интенсификации НИР в отечественной системе высшего профессионального образования становятся все настойчивей с усилением ведущих трендов – глобализации, виртуализации, коммерциализации. Меняется стиль научного труда, его функциональное назначение (наука превращается в имиджевое средство), критерии оценки его результатов и формы их представления. НИР пытаются сделать массовой, дополняя традиционные обязанности преподавателя вуза обязанностями исследователя и промоутера, поскольку новые идеи нуждаются в продвижении, выгодном для себя и корпорации-работодателя (вуза). В мире идей, как и в мире материальных вещей, логистика необходима на подсобном плане, но если она начинает играть роль «примы» в научном производстве, значит, намечилось новое культурное явление, называемое нами «логистическим поворотом» в науке.

«Логистический поворот» с трудом воспринимается на уровне «человеческого фактора». И не только в силу инерции и здоровой консервативности, свойственной педагогическому сообществу. Эти перемены могут обернуться (и оборачиваются) завуалированной подменой истинного научного творчества, превращением его в формальное производство «псевдонаучного спама».

Надежды, возлагаемые на «эффективный контракт» с целью повышения продуктивности НИР преподавателя, могут не оправдаться. Устранить некоторые организационные трудности отечественного научного производства, повысить профессионализм преподавательских кадров, вероятно, реально, но «ни кнут, ни пряник» не в силах пробудить у потенциального субъекта научной деятельности страсть к познанию – запустить

глубинный мотивационный механизм в науке. А без него мы будем иметь научную логику без убедительной логики научного мышления.

*Статья рекомендована к публикации
д-ром филос. наук, проф. А. Г. Кисловым*

Литература

1. Андрияшина Л. М. Технология телеприсутствия – новая антропологическая платформа развития образования // Образование и наука. 2014. № 8. С. 49–66.
2. Беляева Л. А., Беляева М. А. Современный университет: смена парадигм (на примере научно-исследовательской работы преподавателя) // Университеты XXI века: старые парадигмы и современные вызовы: сборник материалов международной конференции. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия [Электрон. ресурс] // Избранные произведения / пер. А. Ф. Филиппов, П. П. Гайдено. Москва: Прогресс, 1990. С. 707–735. Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>.
4. Иванов Д. В. Актуальная социология и ГЛЭМ-наука [Электрон. ресурс] // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 2. С. 137–150. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/81469857.pdf>.
5. Мэйнстринг Дж. Р. Гениальный «Хиршер» [Электрон. ресурс] // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2011. Т. 9. № 4. Режим доступа: <http://www.dissers.ru/1/3512-1-142-takoy-odin-1-meynstring-1918-2007-meynstring-avtor-znamenitogo-bestsellera-ot-institutov.php>.
6. Николаев В. Г. Текст как автобиография // Современность/POST. Альманах социокультурных исследований / под ред. Е. Карцева, Г. Зверевой. Москва: ТЕИС, 2006. Вып. 1. С. 308–321.
7. Осколова Т. А. Глобализация и высшее образование: путь к мировому гражданству или утрата национальной идентичности? // Образование и наука. 2014. № 1. С. 28–43.
8. Петрова Л. Е. Индексы научного цитирования и научная электронная библиотека: потенциал и его реализация преподавателем университета // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 2. С. 80–88.
9. Резвицкий И. И. Роль индивидуального субъекта в современном научном познании // Философские науки. 2014. № 6. С. 72–80.
10. Смолин О. Н. «Русь, куда ж несешься ты?» (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы): в 4 ч. Ч. 2 // Философия науки. 2013. № 12. С. 5–19.
11. Трудовой кодекс РФ 2015. Гл. 52, ст. 333 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://trudinspection.ru/st/g52/st333/>.

References

1. Andriuhina L. M. Tehnologija teleprisutstva – novaia antropologicheskaia platforma razvitiia obrazovaniia. [Technology of telepresence – a new anthropological platform of a development of education]. *Obrazovanie i nauka. Izv. UrO RAO*

[*Education and science. News of Ural Branch of Russian Academy of Education*]. 2014. № 8. P. 49–66. (In Russian)

2. Belyaeva L. A., Belyaeva M. A. Sovremennyy universitet: smena paradigm (na primere nauchno-issledovatel'skoi raboty prepodavatelya). [Modern university: change of paradigms (on an example of research work of the teacher)]. *Universitet XXI veka: starye paradigmy i sovremennyye vyzovy: sb. mat. mejdunarod. konf.* [The collection of materials of the international conference – 21st century Universities: old paradigms and modern calls]. Gumanitarnyy universitet. [Humanities University]. 2015. Yekaterinburg. (In Russian)

3. Veber M. Nauka kak prizvanie i professia. [Science as a vocation and profession]. // *Izbrannyye proizvedeniya*. [Selected works]. Translated by Filippov A. F., Gaidenko P. P. Moscow: Publishing House Progress, 1990. P. 707–735. Available at: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>. (In Russian)

4. Ivanov D. V. Aktualnaya sociologiya i GLAM-nauka. [Actual sociology and the GLEM-SCIENCE]. *Sociologiya nauki i tekhnologii*. [Sociology of a science and technologies]. 2014. V. 5. № 2. P. 137–150. Available at: <http://elibrary.ru/download/81469857.pdf>. (In Russian)

5. Mainstring Dzh. R. Genialnyi «Hirsher». [Great «Hirsher»]. *TERRA ECONOMICUS (Economicheskii vestnik Rostovskogo gosydarstvennogo universiteta)*. [TERRA ECONOMICUS (Economic Bulletin of the Rostov State University)]. 2011. V. 9. № 4. Available at: <http://www.dissers.ru/1/3512-1-142-takoy-odin-1-meynstring-1918-2007-meynstring-avtor-znamenitogo-bestsellera-ot-institutov.php>. (In Russian)

6. Nikolaev V. G. Text kak avtobiografiya. [Text as autobiography]. *Sovremennost'/POST. Almonah sociokulturnykh issledovaniy*. [Modernity/POST. Miscellany of Social and Cultural Researches]. Ed. by Karcev E., Zvereva G. Moscow: Publishing House TEIS, 2006. № 1. P. 308–321. (In Russian)

7. Oskolova T. L. Globalizatsiya i vysshee obrazovanie: put k mirovomu graghdanstvu ili utrata nacionalnoi identichnosti? [Globalizatsiya and higher education: a way to world citizenship or loss of national identity?]. *Obrazovanie i nauka. Izv. UrO RAO* [Education and science. News of Ural Branch of Russian Academy of Education]. 2014. № 1. P. 28–43. (In Russian)

8. Petrova L. E. Indexy nauchnogo citirovaniya i nauchnaia elektronnaia biblioteka: potencial i ego realizatsiya prepodavatelem universiteta. [Indexes of scientific citing and scientific electronic library: potential and its realisation by the teacher of university]. *Vestnic socialno-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki*. [Bulletin of Socio-humanistic Education and Science]. 2014. № 2. P. 80–88. (In Russian)

9. Rezhvitskii I. I. Rol' individualnogo sub'yekta v sovremennom nauchnom poznanii. [The role of the individual subject in modern scientific knowledge]. *Filosofskie nauki*. [Philosophical Fundamentals]. 2014. № 6. P. 72–80. (In Russian)

10. Smolin O. N. «Rus, kuda zh neseshsa ty?». (Nekotorye socialno-filosofskie i politiko-obrazovatelnye problemy. [«Russia, where do you rush?» (Some socially-philosophical and political-educational problems)]. V. 4. Part 2 // *Filosofskie nauki*. [Philosophical Fundamentals]. 2013. № 12. P. 5–19. (In Russian)

11. Trudovoi kodex RF 2015. Glava 52, st. 333. [Labour Code of the Russian Federation. Chapter 52, section 333]. Available at: <http://trudinspektion.ru/st/g52/st333/> (In Russian)